

Иван Паулетко

ПРОЩАНИЕ
В
КОВАЛЫЦАХ

©

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

Последняя осень. Перевод Л. Соловья	5
Прощание в Ковальцах. Перевод А. Островского	77
Замять желтолистья. Перевод М. Горбачева	123
Интернат на Немиге. Перевод В. Элькина	215
Декабрь. Перевод Е. Мозолькова	275
Трепет дубовой листвы. Перевод К. Добровольской	299
В бору на рассвете. Перевод Р. Ветошкиной	319
 ГРУСТЬ БЕЛЫХ НОЧЕЙ. Роман. Перевод Э. Корпачева и В. Элькина	 351

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ НАУМЕНКО

ПРОЩАНИЕ В КОВАЛЬЦАХ

М., «Советский писатель», 1986. 536 стр.
План выпуска 1986 г. № 286.

Редактор Т. Я. Горбачева. Худож. редактор А. В. Еремин. Техн.
редактор Л. П. Полякова. Корректор Е. Я. Лапкин

ИБ № 5250

Сдан набор 13.08.85. Подписано к печати 06.03.86. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага кн.-журн. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л.
28,14. Уч.-изд. л. 30,61. Тираж 100 000 экз. Заказ № 39. Цена 2 р. 30 к.
Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069,
Москва, ул. Воровского, 11.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный
Двор» им. А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

ПРОЩАНИЕ В КОВАЛЬЦАХ

Авторизованный перевод с белорусского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

ББК84. Бел 7

НЗ4

Науменко И.

НЗ4 Прощание в Ковальцах: Повести, роман. Пер. с бел. — М., Сов. писатель, 1986 г. — 536 с., ил., портр.

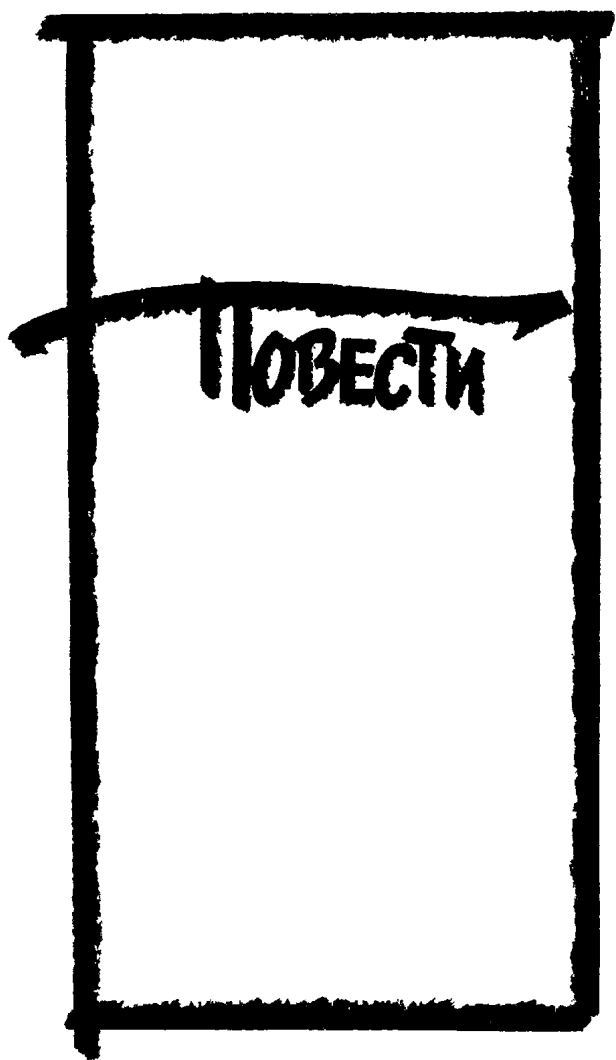
В настоящую книгу известного белорусского прозаика Ивана Науменко вошли повести и роман «Грусть белых ночей». Повести сборника посвящены морально-этическим проблемам. В романе «Грусть белых ночей» рассказывается о событиях Великой Отечественной войны, происходивших на Карельском перешейке.

Н $\frac{4702120200-126}{083(02)-86}$ 286—86

ББК84. Бел 7

Художник Максимилиан Шлосберг

©Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель»,
1986 г.

Последняя осень

I

Василь покинул ремонтную бригаду за неделю до начала занятий. Он, пожалуй, и сам не смог бы объяснить, почему так поступил: нужны деньги, в семье шестеро, и отец — он служит на станции стрелочником — своей небольшой зарплатой всех не обогреет. Василь как раз перешел в восьмой класс. Ему шестнадцатый год, с виду высокий, широкоплечий, только-только стал входить в силу. Четвертое лето во время каникул он ходит на железную дорогу: вначале высекал между шпалами траву, выносил со станционных путей шлак, а с прошлого года его взяли в бригаду. Работал как все — менял шпалы и подбивал под них балласт, напрягаясь изо всех сил, тянул за канат лебедку, когда разгонкой — поставленным на тележку рельсом — суживали стыки.

В прошлом году Василь кончал работу на час раньше — как несовершеннолетний. Путьцы только еще поглядывали на солнце в ожидании конца смены, а он уже бросал кирку или лопату и с независимым видом шагал домой. Нынче закон отменили: Василь вместе со всеми работал по восемь часов.

Утро еще дышит ночной прохладой, в поле — особенно по ложбинам — сизые островки тумана. Солнце только-только поднялось над землею. День обещает быть ясным, теплым, и Василь радуется, что в такую чудесную пору сможет побродить по зацветающим вересковым полянам.

К лесу Василь шагает по железной дороге. Лес далековато — версты три. Местечко довольно крупное: главная, Советская улица по протяженности, пожалуй, такая же, как улица Горького в Москве, которую он видел, когда в прошлом году ездил с отцом за покупками. А есть же в местечке другие улицы и переулки. Конечно, сравнивать

их с московскими можно лишь по длине, потому как ничто остальное не идет в сравнение.

Когда-то лес, очевидно, подступал к самому местечку, но его вырубili, чтобы расширить поле, — иначе трудно было прокормиться.

На железной дороге и по сторонам ее знаком каждый кусочек земли, каждая мелочь стала как бы частицею жизни самого Василия. По кустам, густо растущим вдоль пути, он лазил, выискивая птичьи гнезда, в ложине пас корову, в дубовой рощице, зеленевшей посреди поля, вырезал палки: на всем расстоянии от Романовой до Барсуковой будки — она стоит уже среди леса — нет на железной дороге места, где бы он с путейцами не разбрасывал балласт, не менял шпалы, лежа во время перекуров на жесткой высохшей траве, у откоса, не слушал бы беседы путейцев.

Лес уже в предосенней задумчивости. Быть может, тоска по лесу и есть причина того, что Василь так неожиданно покинул бригаду. Василь чувствует: по мере того как взрослеет, прибавляются обязанности и сужается масштаб свободы. А ведь лес — простор для души. Вышагивая меж сосен по розовым разливам вереска, невольно отвлекаешься от будничных житейских забот, попадая во власть грез и мечтаний.

Василь — мечтатель. Куда только не уносила его безудержная фантазия, в каких несбыточных положениях он не оказывался! Лучше всего думается в уединении, в лесной тишине, когда никто не мешает и никто не прервет тонкую, трепетную нить мыслей. Не в пример прошлым годам, за все лето Василь лишь два раза побывал в лесу — не позволяла работа в бригаде. Да и грибов нынче мало, слабо что-то растут.

Вдали видна сложенная из гладкого красного кирпича Барсукова будка. В том месте, где кончается поле и начинается лес, Василь сворачивает с насыпи. Вчера бригада тут сбивала стыки; она и сегодня приедет сюда, и Василь ловит себя на мысли, что не хочет встречаться с путейцами. Когда он выйдет из лесу, они еще будут бить рельсом по железному клину в зазоре стыка, и, чтобы не встретиться с ними, он пойдет домой песчаным проселком.

На это тоже есть причина. Василью не хочется попадать на глаза бригадиру Скоринкину. Бригадир с виду всегда суровый, мрачный, из-под нависшего лба поглядывают черные глаза. Однако Василь знает — человек он душевный, добрый. И все равно неудобно с ним встречаться.

И виноват в этом кривоногий Сашка, сын Скоринкина, которого Василь взялся подтянуть по русскому языку.

Репетиторство Василя началось еще прошлым летом. Тогда он учил другого парня. Ему даже приятно вспоминать, как, вернувшись с работы и пообедав, он приглашал Мишку Бычка, своего недалекого соседа, в хлев и там разбирал с ним бесконечные диктанты. Сквозь щели в бревенчатых стенах пробивались лучи уже низкого, вечернего солнца, и было видно, как в ярких полосках плавало множество пылинок. Оба лежали на сене. Василь держал в руках грамматику и не спеша диктовал, а Мишка писал в специально заведенной общей тетради. Потом Василь красным карандашом исправлял ошибки. Ошибок поначалу было много, почти в каждом слове. Где следовало писать «о», Бычку непременно хотелось написать «а», и Василь долго учил его ставить слово под ударение, чтобы определить правильное написание.

Только на это и некоторые другие правила Василь дал Бычку, быть может, сто диктантов, радуясь от мысли, что еще год назад они вместе носили сдавать в магазин пустые бутылки, покупали на них «подушечки» и ели, по очереди запуская руки в бумажный кулек. И вот теперь Бычок — ученик, а он, Василь, — учитель.

Бычок выдержал переэкзаменовку, а Василь получил первую учительскую плату — тридцать рублей. О нем по улице пошла слава как о хорошем репетиторе. А когда в этом году такую же переэкзаменовку на осень получил Саша Скоринкин, бригадир путейцев тоже попросил Василя позаниматься с сыном, при этом заплатив ему вперед пятьдесят рублей.

Василь старался еще больше, чем в прошлом году, однако колченогий Сашка — не Мишка Бычок. Он не прочитал за лето ни одной книги, и то, что в одно ухо его влетало, из другого тотчас вылетало. Несмотря на все старания Василя, экзамен по русскому языку он, как и весной, провалил и остался в том же пятом классе на второй год. А Василию хоть в глаза не смотри ни бригадиру, ни путейцам; именно поэтому он не хочет с ними встречаться — стыдно.

Лес начинается пятью огромными дубами. В позапрошлом году Василь как-то случайно свернул к этим великанам и себе не поверил: на плотной, дернистой земле росло несколько толстенных крепышей боровиков. Они торчали на совершенно открытом месте, видно, не меньше

недели, но никто не удосужился заглянуть сюда, и счастье, казалось, ждало одного только Василия.

С той поры Василь непременно наведывается сюда. Правда, боровики больше ни разу не показались, но надежда воодушевляла. И вообще Василь имеет привычку всякий раз пройтись по тем местам, где его когда-либо постигла удача. Это отнимает много времени. Другие грибники, не задерживаясь, спешат подальше в лес, а он все топчется на месте.

Лес, в который шел сейчас Василь, называется Поляковым Рогом. По левую сторону от дороги он начинается сырым ольшаником, по правую — полосой молодого граба, за которой поднимается сплошная стена деревьев — гонких сосен с кудрявыми кронами, стройных березок. Удивительная красота...

По другую сторону песчаного большака, который бежит в выстроенное украинцами-переселенцами село Маков, совсем иная картина: дубовая роща, заросшее ржавой осокой болотце, мшистый, с багульником и кустиками голубики сосняк.

В Поляков Рог, зажатый Маковским большаком и железной дорогой, Василь ходит с детства. Вокруг все знакомо до мелочей. В бору густой черничник, вечнозеленый барвинок, — местечковая малышня всегда ходила сюда по ягоды. Привязанные к поясам кринки, ежеминутные ау-ау, звонкие голоса мальчишек, девчонок... Как давно все это было...

Теперь уже Василь не любит шумной компании. По лесу приятно ходить одному, и с каждым годом он расширяет границы своих странствий. Сейчас он, не боясь заблудиться, уходит от местечка верст на десять — пятнадцать, под маковские околицы, а иногда и дальше.

Походив немного по бору, особенно по тем местам, где обычно удавалось набрать молоденьких боровичков, он перебегает Маковский большак и углубляется в открытые им самим владения: бесконечные молодые сосняки и березовые рощицы с разливом цветущего вереска вокруг. Там можно было часами бродить, не встретив ни единой живой души.

Солнце продолжает висеть над лесом; небо синее, глубокое, лишь изредка проплывают белые облачка. Такие ясные, не слишком жаркие дни бывают только на склоне лета, когда природа словно бы выставляет напоказ свое удивительное безбрежье и очарование, неповторимость своих красок, причем выставляет гораздо щедрее, чем

в любую другую пору года. Василь любит вересковое море и молодые сосняки за ощущение простора, которое они рождают в душе, за проникновенную музыку, как бы нелышно плывущую в окружающем просторе.

В тонких ветвях берез уже проглядывает позолота, под каждым деревом круг опавшей листвы; вересковый разлив излучает вокруг нежный сине-багряный отсвет; кое-где попадаются прикрытые мхом-лишайником песчаные плешины; молчаливо, будто прислушиваясь к самим себе, стоят среди вереска молодые сосенки.

Над головою бесконечная синева неба, а в сердце непередаваемая гармония, согласованность со всем этим вольным простором и его разноцветьем, его запахами и тишиной. Не отсюда ли и та проникновенная, беззвучная музыка, рождаемая землею и небом?

У Василя невольно возникает чувство, будто в каком-то другом мире, за пределами такого знакомого и родного верескового моря, он уже что-то подобное испытывал, переживал и оно, это знакомое, вновь вошло в сознание прозрачным, полузабытым воспоминанием.

Что это? Возможно, зов предков, напоминающий о том, какая кровь течет в его жилах, говорящий, что далекие предки тоже бродили по этим удивительным просторам и испытывали то же, что сейчас испытывает он, Василь? А может, это только обман чувств?..

Василь идет и не может оторвать взгляда от окружающего пейзажа. То в одном, то в другом месте появляются, словно в сказке, березовые рощи, скидывают ввысь кудрявые макушки одинокие сосны-семенники, затем снова тянется сосновое редколесье, темнеют прикрытые кое-где вереском выгары, громоздятся лесные буреломы. Их сменяют голые песчаные островки, на которых лишь изредка поднимаются невысокие сосенки, торчат редкие кустики вереска. И нет всему этому ни конца ни края.

Изредка попадаются грибы — старые, с темными или светло-желтыми шапками боровики; они надежно прикрыты пучками розового вереска. Пять-шесть таких красавцев, и у Василя уже половина кузова.

Среди верескового раздолья легко и хорошо думается, — Василь остается один на один со всем миром, он как-то особенно остро воспринимает события последнего времени. Много их было за прошедший год! Заключен договор с Германией, освобождены западные районы Белоруссии и Украины, отбиты наскоки белофиннов — теперь Ленинград может жить спокойно. Затем события в Литве, Лат-

вии и Эстонии... Или Бессарабия, которая на географических картах столько лет была заштрихована желтыми полосками. Эти земли опять стали нашими, советскими. Дух захватывает от всего этого — на глазах творится история. И Василь чувствует: он тоже частица этого мира, он тоже причастен к грандиозным свершениям своей огромной страны.

Не потому ли, вступая в полосу молодости, он с такой пытливой заинтересованностью прислушивается ко всему происходящему вокруг. Сейчас он в восьмом классе, и недалек тот день, когда придется распрощаться с родным местечком, с этим вереском, с этими сосновыми и березовыми рощами, с грибами на полянах. Где-то тут, в минуты раздумий о будущем, Василя охватывает неясная тревога. Он не один, у него есть два давнишних друга, учатся они в десятом классе. Время их вылета из родного гнезда уже близко, и Василь не представляет, как будет жить без них. Василь пытается мысленно забежать вперед, когда останется один, без Ивана Скворчевского и Степана Броньки, да только ничего не получается. Фантазия не срабатывает, картина расплывается, становится неясной, туманной.

Не раз Василь пробовал прикидывать, как пойдет его жизнь через два-три года, после окончания школы, однако результат всегда получается один и тот же, как и сегодня, — полная неопределенность. Ему даже становится как-то не по себе. Неужто человеку дано осмысливать себя только в былом, в ушедших поколениях, иногда заглядывать в завтрашний день! На чем это основывается? Прошлому еще, пожалуй, можно найти объяснение: каждый человек так или иначе повторяет своих дедов, прадедов, а грядущему?..

Но в конце концов грустные или вот такие неопределенно-тревожные рассуждения и чувства — только небольшая волна в стремительном потоке жизни, которая едва-едва начинает раскрывать перед Василием свои чарующие дали. Ярко светит солнце; воздух напоен опьяняющими запахами близкой осени, он прозрачен и чист; под ногами шелестит вереск. Надо ли беречь сердце разными догадками и предположениями?

Еще издали Василь видит три черноголовых боровика, они сидят вместе, небольшим треугольником, на заросшей типчаком плешине. Коренья у боровиков тугие, шапки снизу белые, не успели позеленеть. Это его лучшая сегодняшняя находка. Будет чем похвалиться дома.

Василь забрел почти под Салахов хутор, что верстах в десяти от местечка, если не больше. Правда, теперь тут никакого хутора нет, на заросшем сорняками поле торчат несколько груш-дичек, а на бывшей усадьбе — полуразвалившийся сруб заброшенного колодца и битый кирпич от печи.

Солнце стоит еще довольно высоко, но Василь решил: пора возвращаться домой, — захотелось есть. У него уже полкузовка грибов, да на обратном пути что-нибудь попадется. А не найдет боровиков, подосиновиков, завернет к Галистровой Луже, а уж там наверняка полно горькушек. Это, конечно, не белые грибы, но, как говорят, на безрыбье и рак — рыба. Уж лучше вернуться домой с полным кузовком, чем с полупустым.

Василь достает из кармана завернутый в бумагу хлеб. После долгих лесных блужданий, когда во всем теле чувствуется легкая усталость, нет ничего приятнее взять горбушку зачерствелого магазинного хлеба и не спеша откусывать небольшими кусочками. В такие минуты хлеб заменяет все: он пахнет дымком, подсолнечным маслом, приятной кислинкой, и его как раз хватит, чтобы снова вернуть ногам упругую силу.

В светлом, будто по-праздничному одетом березняке — наполовину обсыпанные, поросшие мхом окопы. Они остались еще со времени польской войны. Когда-то здесь две или три недели стоял фронт, польская артиллерия билась по местечку — сожгли южную половину нынешней Советской улицы вместе со старинной церковью. Об этом Василь узнал из рассказов бывалых местечковцев.

Тут же, в окопах, он нашел светлый, на длинной кривой ножке боровик и несколько подосиновиков. Теперь, пожалуй, нет нужды спешить к Галистровой Луже...

Напоенный солнечным светом березняк — место особое. Всякий раз, когда Василь наведывается сюда, в его памяти непременно возникает образ Нади Меделки. Быть может, потому, что между ними установились необычные отношения, и его лесные прогулки имеют с этим непосредственную связь.

Еще нынешней весной Надя жила у самого леса. Между Романовой и Барсуковой будками в плотном окружении разлапистых дубов стоял неприметный хуторок — небольшая хатка, обычный хлев, гумно.

Несмотря на то, что ходили они в одну школу и были ровесниками, встречались редко — Надя шла классом выше. Возвращаясь из леса, Василь часто видел ее то в ого-

роде среди грядок, то с коровою в поле. Заметив издали Василя, она никогда не упускала случая первая заговорить с ним, бросить какое-нибудь смешливое словцо, хотя при этом глаза девушки излучали тепло.

Прошлым летом, повстречав Василя в Мульменковом саду, она впервые заговорила с ним серьезным тоном. «Почему ходишь босой? — спросила она. — Ведь работаешь в бригаде, неужто на ботинки заработать не можешь? И шапку эту не носи, не идет она тебе. И вообще кто это ходит летом в шапке...»

Надя разговаривала с ним так, словно он, Василь, был ей братом или близким родственником. И все равно слушать ее было приятно.

Как-то во время своей очередной прогулки в лес Василь подобрал возле ракитовых кустов порывевшую от времени районную газету с фотоснимком Нади и короткой заметкой под ним: «Она ездила в Артек». Газета под солнцем и дождями пролежала невесть сколько, снимок выгорел, стал невыразительным, однако на нем все же угадывалась стройная Надина фигурка. Василь, помнится, невольно вздрогнул от неясной радости.

Надя, как и он, росла в семье железнодорожника. Ее отец — высокий, неразговорчивый мужчина — работал на угольном складе. У Нади была старшая сестра, очень на нее похожая, такое же красивое лицо, такая же задумчиво-грустная или, наоборот, заразительно веселая. Возможно, потому, что работает она в станционном буфете, Василь охотно заходит туда. Да и вообще ему нравится это желтое, покрытое железом станционное помещение, в котором также размещены комната дежурного, билетная касса и зал ожидания.

Странно, но, перед тем как наткнуться в кустах на прошлогоднюю газету, Василь как раз думал о Наде, о том, что и путевку в Артек ей дали, скорее всего, потому, что у нее померла мать; ведь училась Надя не лучше других и отличницей никогда не была. Возможно, поэтому и находку свою Василь расценил как необычное знамение, как таинственный знак судьбы. Во всяком случае, Надя часто не выходит у него из головы, тем более что она сейчас почти соседка. Хутор их весной снесли, и хата Меделки теперь стоит сразу за переездом — в самом начале новой улицы. По дороге в школу или из школы Надя проходит мимо Василевой хаты...

Год назад Василь и не предполагал, что Надя займет в его жизни такое большое место. У него было много зна-

комых девчат, некоторые из них поначалу даже нравились, но затем по той или иной причине они мельчали в его глазах, и он переставал ими интересоваться. С Надей же все было по-иному. Ко всему прочему, Василь знал, что и она к нему равнодушна. «У тебя, оказывается, красивая шея и грудь,— сказала она на первомайской демонстрации, увидев его в яркой, с расстегнутым воротником рубашке.— А я думала...»

О чем Надя думала, Василь так и не узнал. Но у него в ту минуту даже дыхание перехватило, несмотря на то что она всегда старалась держаться с ним как равная с равным.

Василь все время мечтает встретить Надю в лесу. Ему кажется, что уж тогда он наверняка скажет ей все, о чем думает, и их отношения станут ясными и простыми. Но к грибам Надя безразлична и поэтому в лес ходит очень редко. И тем не менее он верит в такую встречу.

II

Станция занимает особое место в жизни местечка. Она не очень большая — три невысоких, окрашенных в желтый цвет домика, в которых размещается железнодорожное начальство и станционные службы. Немного поодаль возвышаются отдельные здания пакгауза и погрузочной конторы.

Местечко с соседним городком связывает ветка-однопутка, так что станция в известном смысле вроде бы узловая. Даже паровозное депо свое. Низкое закопченное помещение конечно же не ласкает взгляда, да и приписаны к нему всего лишь две «овечки», но когда станция формирует свои составы, то на службе у нее и свои машинисты, и кочегары, и кондукторы.

Паровозы здесь часто заправляются водой. Кирпичная башня водокачки стоит скорее для вида, потому как вода подается из другой, склепанной из больших железных листов башни, стоящей на подходе к станции.

Перед прибытием вечернего поезда на перроне всегдалюдно. Кто-то из местечковых уезжает, кто-то приезжает, но больше таких, кто просто пришел потолкаться на станционной платформе, разузнать последние новости, а то и выпить в буфете бокал теплого пива.

Василь любит станцию. И не столько потому, что здесь всегда можно встретить кого-нибудь из знакомых ребят, потолкаться в шумной толпе, услышать интересную исто-

рию, веселые шутки, сколько потому, что станция — сама по себе красивое место. Над невысокими аккуратными домиками огромными шатрами нависают тополя, придавая станции вид зеленого острова. Тополя старые и посажены были, видно, в самом начале строительства железной дороги.

Перед главным входом в зал ожидания небольшой скверик. Тут тоже зеленеют тополя, но они помоложе и не серебристые; стоят плотным полукругом, под ними деревянные скамейки; в центре полукруга, в тени деревьев, — водонапорная колонка.

После отхода поезда перрон обычно быстро пустеет, и на землю незаметно опускаются вечерние сумерки. И тогда в сторожке тишине лишь прослушивается едва уловимый шелест листвы, чем-то напоминающий чудесную сказку. О чем эта сказка? Быть может, о близком вылете из родного гнезда, о том, как он со своими друзьями вот так же сядет в поезд и уедет в неведомые дали; а может, сказка эта о зовущем будущем, которое ждет его впереди?..

Василь пришел на станцию, когда, окутанный клубами пара и пыли, к перрону с шумом подкатил пассажирский поезд Москва — Брест. Прозвучал первый звонок, и сразу же началась обычная людская суета — к вагонам с узлами и чемоданами бросились пассажиры, на ходу уступая дорогу приезжим.

К станции тем временем стекается все больше и больше народу. На этот раз в толпе можно видеть флаги и транспаранты, многие в руках держат букеты цветов. У центрального входа разместился оркестр с начищенными до блеска медными трубами, с большим турецким барабаном, — оркестр играет веселый, бравурный марш.

И вот в дверях вагона, возле которого собралось особенно много людей, показался плотный, широколицый парень в синем шевиотовом костюме. На лацкане его пиджака блестела медаль. Оркестр с новой силой грянул марш. Не успел парень ступить на землю, как его тут же подхватили на руки такие же крепкие молодые ребята и, решительно пробивая себе дорогу в толпе, понесли к выходу на станционную площадь. Парень, которого вознесли над людскими головами сильные руки, испытывал явную неловкость, растерянно моргал глазами, виновато улыбался.

На площади уже стоит небольшая, обитая красной тканью трибуна. На ней — чернявый секретарь райкома

с каким-то странным, как бы застывшим лицом, невысокий, седовласый председатель райисполкома, а также другие районные активисты; их всегда можно видеть на трибуне у двухэтажной школы, где обычно проходят первوماйские и октябрьские митинги.

Первым выступает секретарь райкома, за ним председатель райисполкома, потом еще один оратор, и Василию наконец становится ясно, почему на станции собралась такая многочисленная толпа. Торжественную встречу, оказывается, устроили парню в синем шевитовом костюме — бригадиру тракторной бригады Рыбаку, награжденному медалью «За трудовую доблесть». Вчера в Кремле Михаил Иванович Калинин собственноручно вручил ему высокую правительственную награду, а сегодня он уже вернулся в местечко, где работает в МТС.

Василию приятно, что в местечке будет жить такой заслуженный человек. Это уже второй награжденный. Первой была Людмила Зборовская, дежурная по станции. Она ездила на съезд стахановцев и вернулась оттуда с орденом «Знак Почета». Однако ее так торжественно не встречали. Быть может, потому, что местечко в то время еще не было районным центром...

К людям, окруженным всеобщим вниманием, Василь всегда относится уважительно, так же как и эти ораторы, выступающие сейчас с трибуны. Однако, думает Василь, порою не все заслуживают такого к себе внимания, да и внешностью своей не очень-то привлекают. Взять хотя бы ту же Зборовскую. Живет она наискосок через улицу. Василь хорошо знает всю семью и какими-либо особыми качествами Людмилы вовсе не восхищается. Худая, какая-то угловатая, с желтым — словно переболела малярией — лицом... Ей уже стукнуло двадцать восемь лет, а замуж так никто и не взял. Даже отец подчас не хвалил ее — сердитая, мелочно придиричивая, не всегда посочувствует человеку в беде; недавно ее перевели в Гомель, пошла на повышение. А вот родители Людмилы совсем другие люди — чуткие, добрые старики. Отец всю свою долгую жизнь прослужил кондуктором на железной дороге, недавно только вышел на пенсию. Мать, почти совсем глухая женщина, занята хозяйством, шьет на машинке. У Зборовских просторный красивый дом с белыми ставнями, жестяной крышей — таких не много в местечке, — большой плодородный сад; живут они в достатке и с соседями дружат. У них запросто и денег можно взять, и штаны сшить в долг, и посоветоваться при необходимости. Старик Зборовский